

аспекты современных лингвистических исследований. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2016. С. 22–23.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высш. учебн. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.

Михайлова О. А. Аксиологическая динамика толерантности в современной России // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2016. С. 26–27.

Никифорова М. В.
студентка 4 к. НТГСПИ

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «РОССИЯ – ЭТО МЕДВЕДЬ» В АМЕРИКАНСКИХ СМИ (на материале журналов «Time» и «The Economist»)

В современной лингвистике понимание метафоры не ограничивается ее риторико-стилистической трактовкой. Метафора также рассматривается как модель осмысления фрагмента мира, как механизм нашего мышления и отображения действительности в человеческом сознании (Дж. Лакофф).

Особая роль отводится метафоре в политической лингвистике. Э. В. Будаев и А. П. Чудинов отмечают: «Интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль средств массовой информации, всё большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу, яркой приметой которого в последние десятилетия стала всё возрастающая метафоричность» [Будаев, Чудинов 2012: 8].

В современных СМИ значимое место занимает зооморфная (т. е. восходящая к сфере-источнику «Животные») метафора. Метафорическая модель «Государство – это животное» уже не раз становилась объектом специального изучения. На определенных временных участках подробно изучены образы России [Чудинов 2001; Чудинов, Солопова 2005; Будаев 2006; Посохова 2008]; Великобритании [Чудинов, Солопова 2005; Кропотухина 2011]; Грузии [Будаев 2006]; стран Балтии [Будаев 2006] и др. «Лидером» среди объектов метафо-

ризации в американском политическом дискурсе была и остается Россия как важнейший стратегический противник [Посохова 2008; Поскребышева, Голубева 2015 и др.].

Для исследования зооморфных метафор нами были отобраны журналы-еженедельники «Time» и «The Economist» за 2015–2017 гг. Особое внимание было уделено (1) метафоризации российского президента; (2) метафорической модели «Россия – это медведь»; (3) метафоризации России по другим моделям.

1. Метафоризация российского президента. Любопытно, что до конфликта в Сирии персона Путина достаивалась внимания обоих журналов (если рассматривать 2015 г.) нечасто. Еще реже встречаются метафоры, связанные с российским президентом. В статье *Putin's Secret Army* (29.06.2015), посвященной зависимости Чечни от России, читаем:

(1) *Many of the remaining insurgents came around to this reasoning; those who did not were **hunted down** and usually killed.* (букв. «Многие оставшиеся в живых повстанцы подчинились этому доводу; неподчинившиеся подверглись преследованию и в большинстве случаев были убиты»);

(2) *After the incident, Russian political analyst Alexander Shpunt noted that the Chechen leader appears to have «assumed the role of Putin's **bulldog**» and **has been kept on a long leash**.* (букв. «После инцидента российский политолог Александр Шпунт заметил, что чеченский лидер, оказывается, "принял роль путинского бульдога" и был посажен на длинную цепь»).

В обоих случаях воплощается метафорическая модель «Объект деятельности – это животное». В первом примере метафора выявляется на основе глагола «охотиться» (имеется в виду слот «дичь» либо «птица»), во втором – метафорический объект назван прямо и усилен с помощью словосочетания *содержался на длинной цепи* (*has been kept on a long leash*), безусловно оскорбительной для чеченского лидера Р. Кадырова. Лексема *бульдог*, составная часть характеризующего предиката, этимологически восходит к сочетанию *bull dog* – букв. ‘собака, травившая быка’. Через унижительное для чеченского лидера сравнение автор статьи оскорбляет и тех «коров», против которых «хозяин» (т. е. Путин) направит этого «бульдога». Метафора разворачивается в более широком контексте охоты, травли.

Такие контексты на страницах выбранных для анализа изданий характеризуются, однако, единичностью, бессистемностью. Более

частотной следует признать метафоризацию России безотносительно к ее лидеру.

2. Метафорическая модель «Россия – это медведь». Одна из статей «The Economist» (19.04.2015) предваряется лидом про «российского медведя» и характерной картинкой:

The cost of stopping the Russian bear now is high – but it will only get higher if the West does nothing (букв. «Остановить "российского медведя" сейчас дорого стоит – но стоимость этого лишь будет расти, если Запад ничего не сделает»).

Рис. 1. Картинка, предваряющая статью «Остановить Россию» (The Economist, 19.04.2015)

Само слово *bear* ('медведь') больше ни разу в статье не встречается, метафорическая модель уходит в подтекст. Таким образом, функция лида и характерного изображения «российского медведя», нацелившегося на Украину, – настроить читателя против государства-объекта метафоризации. «Остановить» Россию после Грузии, Крыма (подтекст: «медведь» их уже «съел») предлагается путем санкций, которые бы поставили нашу страну в условия, невыгодные для ведения войны на Украине. США в тексте статьи не упомянуты ни разу, про их роль в указанных конфликтах ничего не сказано.

Статья «Bear-backers» (букв. «Покровители медведя») в «The Economist», 4.02.2016, содержит номинацию *bear* ('медведь') лишь в заголовке. Соответствующая метафора реализуется на картинке, где бывший канцлер Германии, *Mr. Schröder*, «поддерживает дружбу» с «русским медведем» в отличие от стоящей в стороне А. Меркель:

Рис. 2. Картинка, предваряющая статью «Bear-backers»
(*The Economist*, 04.02.2016)

По мнению автора, Германия «слишком тесно сотрудничает» с Россией – это обусловлено зависимостью от нашей страны через так называемый «Северный поток» (*Nordstream*) (см. рис. 2). Как и в заглавии предыдущей статьи, актуализируется фрейм «модель поведения» [Чудинов 2001, Посохова 2008]: медведь опасен, его нужно задабривать, чтобы не разорвал. В данном случае, однако, появляется слот «еда» как ‘инструмент задабривания’.

Еще в двух статьях («*The Economist*», 14.04.2016 и 16.02.2017) лексема *bear* встречается дважды – в заголовочном комплексе и в самом тексте. В первой статье – «*Baiting the Bear*» (букв. «Приручая медведя») – читаем:

...some of those at whom the bear has shown its claws appear unready to fight. (Букв. «многие из тех, кому медведь показал свои когти, оказались неготовыми обороняться».)

Статья «*Turkey's snuggling up to Russia is likely to hurt it*» имеет характерный подзаголовок: *Getting into bed with a bear* («Ложась в постель с медведем»). Разъясняется этот контекст только в самом конце, где приводятся слова президента Турции:

As a former Turkish president put it, «building relations with big states is like getting into bed with a bear.» When that bear is Russia, it is best to stay wide awake. (Букв.: «Как сказал прежний президент Турции, "выстраивание отношений с большими государствами подобно тому, как лечь в постель с медведем". Когда этот медведь – Россия, лучше всё время быть начеку».)

В обеих статьях высказываются опасения, что «российский медведь» разорвет, если вовремя не дать отпор. В последнем случае резко усилен «физиологический» подтекст. В первой статье метафора воплощается в опоре на слот ‘когти’ (‘облик медведя’), во второй – слот ‘интимные отношения’ и характерной картинке:

Рис. 3. Картинка, предваряющая статью «Turkey’s snuggling up to Russia is likely to hurt it» (*The Economist*, 16.02.2017)

Отметим, что угловые столбики кровати, а также середина спинки «снабжены» соответствующей символикой. Огромный медведь и маленький человек имеют явно неравное положение: первый явно «перетягивает одеяло» с преобладающими кремлевскими звездами на себя.

Фрейм «модель поведения» воплощается в обеих статьях через частные разновидности, которые можно назвать «физиологически».

3. Метафоризация России по другим зооморфным моделям.

Не связанная с «медведем» зоометафоризация России оказывается вновь связана с российским президентом, ее лидером. В статье номера «The Economist» от 14–20.02.2015 говорится, что он «захомутал», «взял в петлю» Крым (*looped off Crimea*), «поставил в стойло, запер в конюшню», «поцарапал шкуру» украинского развития (*use to stall and warp Ukraine’s development*). Очевидно, здесь заявлена лошадиная метафора, продолжающая разворачиваться по ходу статьи, где Путин – ‘хозяин лошади’, ‘хозяин положения’. Российский президент выступает как лидер, но лидер с отрицательной коннотацией, лидер-насильник, мучитель. Эта же трансформация («лошадь → хозяин

лошади») поддерживается единицами *the slow **subjugation** of south-east Ukraine* (**subjugation** – ‘подчинение’, от лат. *sub jugo venire* – ходить под ярмом, унижительный обряд, применявшийся римлянами для тех народов, которых они побеждали) и *by the alliance’s **beefed-up** Baltic air-policing mission* (**beefed-up** – ‘укрепленный, усиленный’, от *beef* – «говядина», в основе метафорического переноса лежит понятие о говядине как мясе, содержащем белки и другие полезные вещества). Перечисленные примеры восходят к метафорической модели «Объект деятельности – животное», причем объектом может являться не человек, а государство, подразделение и т. п. Модель воплощается через фрейм «модель поведения», слотами выступают «млекопитающие» (лошади и коровы).

Подводя итоги, скажем, что в 2016 и 2017 гг. метафорическая модель «Россия – это медведь» снова начинает актуализироваться по сравнению с другими моделями после некоторого «затишья» 2015 г. По-видимому, это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, несмотря на то, что президентом в настоящее время является В. В. Путин, а не Д. А. Медведев, чья фамилия оказала заметное влияние на концептуализацию по данной модели, «медведь» используется в качестве символа правящей партии – «Единой России». Во-вторых, медведь – животное большое, сильное, благородное и царственное, а в этом описании отнюдь не все соотносится с лидером государства, через которого и происходит концептуализация России. Гораздо более «говорящими», «кричащими» в 2015 г. являлись отождествления нашей страны с мучителем, насильником, а всех остальных – с жертвами этого насилия (в настоящее время Грузия, Крым, Украина – это «жертвы медведя»). В-третьих, «медвежья» метафора связана с идеей «дремучести», «грубости», «неотесанности». В то же время В. В. Путин неустанно демонстрирует военную активность, участие в гонке передовых вооружений и т. д. На языке метафоры это можно описать так: «российский медведь вновь скалит зубы». Иначе говоря, в последние два года агрессивность России (по мнению исследуемых СМИ) вновь начала расти.

В дискурсе американских СМИ 2015 г. метафоры России теряли свою зооморфность, «очеловечивались». В 2016–2017 гг. снова наблюдается актуализация модели «Россия – это медведь» в связи с новыми военными конфликтами. США при этом остаются вне зооморфной метафоризации.

СЛОВАРИ

Мюллер В. К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 34–57.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2012.

Кропотухина П. В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: [б. и.], 2011.

Поскребышева Т. А., Голубева Т. М. Метафора шахматной игры как средство создания образа России в американском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (51). С. 147–150.

Посохова Я. А. Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 26. С. 88–94.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.

Чудинов А. П., Солопова О. А. Метафорическое представление прошлого России и Великобритании в современном политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 33–45.

Сюй Шаньшань
аспирант УрФУ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Разворот современных гуманитарных наук в сторону человека привел к тому, что языковая личность стала изучаться во всем своем многообразии: субъект из «человека молчавшего» трансформировался в «человека говорящего», из «человека бесполого» – в индивида с